

Труды
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Под редакцией С. П. Карпова
[74]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(33)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

*акад. РАН, д. и. н., проф. С. П. Карпов (председатель),
д. и. н., проф. Л. С. Белоусов, д. и. н., проф. Н. С. Борисов,
д. и. н., проф. Л. И. Бородкин, д. и. н., проф. А. Г. Голиков,
д. и. н., проф. С. В. Девятов, д. и. н., гл. н. с. Л. В. Кошман,
акад. РАН, д. и. н., проф. Ю. С. Кукушкин,
д. и. н., проф. Л. С. Леонова, к. фил. н., доц. Л. П. Лобанова,
д. и. н., проф. Г. Ф. Матвеев, д. и. н., проф. С. В. Мироненко,
д. и. н., проф. Е. И. Пивовар, д. и. н. А. В. Подосинов,
д. и. н. С. Ю. Сапрыкин, д. и. н., проф. В. В. Симонов,
к. и. н. Г. М. Степаненко, д. иск., проф. И. И. Тучков,
д. и. н., проф. Д. А. Функ,
акад. РАН, д. и. н., проф. В. Л. Янин*

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Р. М. ШУКУРОВ

ТЮРКИ
В ВИЗАНТИЙСКОМ
МИРЕ
(1204–1461)

Издательство Московского университета
2017

Исследование подготовлено в рамках проекта
«Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений
Руси, Востока и Запада в Средние века»,
поддержанного Российским научным фондом
(соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014 г.
между Российским научным фондом
и МГУ имени М. В. Ломоносова).

Шукуров Р. М.

Ш95 Тюрки в византийском мире (1204–1461). — М.: Издательство Московского университета, 2017. — 631 с. — (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 74; Сер. 2, Исторические исследования, 33).

ISBN 978-5-19-011131-6

В монографии впервые комплексно описывается феномен тюркского меньшинства в Византийской империи, исследуется роль инородцев-тюрков в социальной и культурной жизни Византии. Изучая многообразные влияния тюркского меньшинства на трансформацию поздневизантийской культуры, автор показывает, что именно наличие тюркских групп внутри византийского общества значительно облегчило завоевание Византии турками-османами. В книге представлены как описание отдельных групп византийских тюрков с ареалами их расселения, так и биографические портреты наиболее ярких их представителей. Значительное место уделено влиянию тюрков на поздневизантийскую повседневность и обыденную ментальность.

Ключевые слова: ислам, история, христианство, демография, Палеологи, монголы, греки, Трапезунд, Ласкариды, Византия, лексикология, тюрки.

УДК 94"04/15"
ББК 63.3(0)4

Shukurov R. M.

Turks in the Byzantine World (1204–1461). — Moscow: Moscow University Press, 2017.

Rustam Shukurov offers an account of the Turkic minority in Late Byzantium including the Nicaean, Palaiologan, and Grand Komnenian empires. The demography of the Byzantine Turks and the legal and cultural aspects of their entrance into Greek society are discussed in detail. Greek and Turkish bilingualism of Byzantine Turks and Turkophonia among Greeks were distinctive features of Byzantine society of the time. Basing his arguments upon linguistic, social, and cultural evidence found in a wide range of Greek, Latin, and Oriental sources, Rustam Shukurov convincingly demonstrates how Oriental influences on Byzantine life led to crucial transformations in Byzantine mentality, culture, and political life.

Keywords: Islam, history, Christianity, demography, Palaiologoi, Mongols, Greeks, Trebizond, Laskarids, Byzantium, lexicology, Turks.

*Посвящается моему отцу
Мухаммаду Шукурову
(1925–2012)*

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего своего существования — с IV по XV в. — Византия находилась в тесном и многообразном контакте с цивилизациями Востока. Вплоть до XII в. центр тяжести политической, культурной и экономической жизни располагался в Восточном Средиземноморье, обнимая византийские территории и мусульманский Ближний Восток. Именно к востоку от Византии располагались сверхдержавы, сравнимые с ней по цивилизационному потенциалу. Поэтому не случайно, что вектор жизненных интересов Византийской империи был направлен на Восток. С ним Византийскую империю связывали разнообразные коммуникативные каналы, именно оттуда в империю шли жизненно важные для нее информация и товары. Центральное положение Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока в цивилизационных структурах ойкумены предопределяло остроту политического и культурного соперничества в регионе, одним из неизменных субъектов которого являлась Византия.

На протяжении большей части своей истории Византия находилась в состоянии перманентной борьбы с восточными соседями за главенство в Восточном Средиземноморье, за контроль над торговыми потоками и территориями. Эта борьба порой выливалась в крупномасштабные вооруженные конфликты, сравнимые с мировыми войнами Новейшего времени. Отношения с Востоком отнюдь не сводились к вооруженному противостоянию, однако война была их важным элементом, и с точки зрения византийской ментальности традиционно наиболее опасный и опытный враг располагался именно на Востоке.

Соперничество с Востоком складывалось по-разному. В ранний период главным контрагентом Византии была Сасанидская держава. Хотя большую часть времени империи удавалось сохранять статус-кво с Сасанидами, эпилогом византийско-иранского соперничества явилась поистине «мировая» война 602–628 гг., которая охватила огромные пространства от Египта до Армении и от Константинополя до Ктесифона. В последующую эпоху, начиная с VII в., структура взаимоотношений с восточными народами усложняется: на Ближнем Востоке сасанидский Иран сменила новая сверхдержава — мусульманская империя (сначала Омейядский, а затем

Багдадский халифат), а в Северном Причерноморье утверждаются языческие тюркские народы, перекочевавшие на Запад из глубин Северо-Восточной Азии. Мусульманские завоевания значительно сократили территорию Византии и существенно ослабили ее политико-экономический потенциал как сверхдержавы. Византии понадобилось более трех столетий, чтобы оправиться от мусульманского натиска и частично восстановить свои позиции.

На протяжении XI в. Византия испытывала новые мощные удары со стороны тюркских народов, наводнивших территорию империи на севере (на Балканах) и на востоке (в Анатолии). Хотя к концу XI в. империя оказалась на краю гибели, но вновь, как и в прежние эпохи, в XII в. она нашла силы стабилизировать ситуацию и восстановить свой престиж великой державы. Однако в XIII–XV вв., вследствие катастрофы 1204 г. и захвата латинянами Константинополя, противостояние с тюркскими народами вступило в новую фазу. Если на Балканах давление со стороны кочевых тюрков к XIII в. не представляло серьезной угрозы, то анатолийские мусульмане, создав преуспевающее смешанное (частично оседлое, частично кочевое) ирано-тюркское общество, постепенно усиливали натиск на империю.

Ко второй половине XIV в. византийцы, по существу, проиграли соперничество с анатолийскими тюрками; окончательное падение империи стало лишь делом времени. Настоящее исследование посвящено именно заключительному периоду в истории Византии, который завершился в середине XV в. гибелью византийской цивилизации — одного из самых влиятельных цивилизационных феноменов Средневековья. К принципиальным проблемам истории Византии, до сих пор так и не получившим систематического и общепризнанного разрешения, относится вопрос о причинах стремительного упадка и гибели византийской цивилизации в XIII–XV вв. Коренной вопрос заключается в следующем: почему византийский мир, прежде столь устойчивый и гибкий перед лицом многих внутренних и внешних изменений, вдруг исчерпал свою жизненную силу и не смог найти адекватного ответа на тюркский вызов?

1. Проблема и метод

Взаимоотношения Византии с тюрками с самого зарождения византинистики как научной дисциплины в XV–XVI вв. продолжают занимать в ней центральное место. Пожалуй, нет ни одного обобщающего исследования по истории Византии XI–XV вв., которое бы обошло вниманием эту тему. Причем, следует отметить,

на более ранних этапах развития византистики тема тюрков занимала даже большее место, нежели в поздней историографии: лишь с развитием науки в XIX и XX вв. стали открываться иные горизонты византийской истории, формулировались новые проблемы социальной, культурной, духовной и экономической жизни империи, не связанные или мало связанные с тюркской угрозой¹. Основной чертой ранней историографии взаимоотношений Византии и тюркского мира является эмпиризм. Поскольку в трудах историков XVII–XIX вв. преобладала политическая история, история войн, характеров, придворных и дипломатических интриг, то византийско-тюркские отношения рассматривались исключительно в измерении политическом и персональном. В концептуализации этой проблематики весьма популярной была идея религиозного и культурного противостояния христианства и мусульманства. Причем эта базовая концепция была унаследована от средневековой (западноевропейской и византийской) историографии. Наиболее влиятельная версия византийско-тюркского конфликта формулируется в знаменитом труде Эдварда Гиббона². Исследователь рассматривал турецкие завоевания как следствие интриг, трусости и раздоров в византийской среде. Турки при этом характеризуются положительно: «...ennobled by martial discipline, religious enthusiasm, and the energy of the national character»³. Картина исторического поражения Византии в передаче Э. Гиббона выглядит весьма схематичной и упрощенной: необъяснимая военная мощь мусульман и их непреодолимое стремление к завоеванию, с одной стороны, и персональная воля предателей-византийцев — с другой, привели цивилизацию к катастрофе.

Последующие поколения исследователей недалеко ушли от схемы Э. Гиббона в объяснениях исторического проигрыша Византии, принимая во внимание два класса гетерогенных (хотя и взаимосвязанных) факторов — с одной стороны, так называемые *внутренние*, порожденные изменениями в собственно византийских общественных и хозяйственных институтах, и, с другой стороны,

¹ Подробнее см., например, очерки ранней западноевропейской историографии: *Pertusi A. Bisanzio e i Turchi nella cultura del Rinascimento e del Barocco*. Milano, 2004; *Europa und die Türken in der Renaissance* / Hrsg. B. Guthmüller, W. Kühlmann. Tübingen, 2000; *Bisaha N. Renaissance Humanists and the Ottoman Turks*. PhD Dissertation, Cornell University. Ithaca, 1997.

² *Gibbon E. History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. 1–3. L., 1994 (наиболее близкий к первоначальному текст); *Idem. History of the Decline and Fall of the Roman Empire* / Ed. J.B. Bury. Vol. 1–7. L., 1909–1914 (текст, отредактированный выдающимся британским византинистом).

³ В издании Джона Бьюри: *Gibbon E. History... Vol. 7. P. 1 (Ch. LXIV)*.

внешние, привнесенные из-за пределов византийского мира — с тюрко-мусульманского Востока, из Западной Европы или с тюрко-славянского Севера. Исследователи вполне единодушны в том, что решающую роль в судьбе Византии сыграл не только *внутренний* (хозяйственный и социальный) кризис, но и *внешний* удар тюрок, в одночасье покоривших Анатолию, часть Балкан, а затем и сам Константинополь. При этом *тюрецкий (тюркский) вопрос* решительно выводится за рамки внутренней жизни империи, *тюркское начало* квалифицируется как нечто сугубо чуждое и противоположное византийскому миру, а потому вдвойне разрушительное⁴.

Кажущаяся самоочевидность такого толкования тюркского вызова долго препятствовала серьезному изучению конкретных *механизмов* освоения тюрками византийской ойкумены. При этом особо подчеркнем, что описание данных механизмов никак не может ограничиваться лишь разработкой сугубо тюркологической тематики, сводимой к реконструкции «методов тюркского завоевания»⁵.

Первые важные шаги в сторону воссоздания механизмов разложения византинизма под воздействием тюркского начала делались не столько в обобщающих историях, сколько в узкоспециальных работах, концентрировавшихся на исчерпывающем анализе компактных коллекций источников. Наиболее ранняя попытка такого рода была предпринята Альбертом Вехтером, учеником Г. Гельцера, в небольшой монографии «Упадок эллинизма в Малой Азии в XIV в.»⁶. Основываясь преимущественно на актах Константинопольского патриархата и *Notitiae episcopatum*, А. Вехтер убедительно продемонстрировал стремительно нараставший кризис в анатолийском христианстве XIV в. Эта книга замечательна оче-

⁴ См., например, наиболее авторитетные общие истории: *Finlay G. The History of Greece from Its Conquest by the Crusaders to Its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond: 1204–1461.* Edinburgh; L., 1851; *Idem. A History of Greece from Its Conquest by the Romans to the Present Time.* Vol. 4. Oxford, 1877; *Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates.* München, 1963 (рус. пер.: *Острогорский Г.А. История Византийского государства* / Пер. М.В. Грацианского; под ред. П.В. Кузенкова. М., 2011); *Васильев А.А. История Византийской империи.* Т. 2. СПб., 1998; *Успенский Ф.И. История Византийской империи (XI–XV вв.).* Т. 3. М., 1997; *История Византии* / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. М., 1967; *Le monde byzantin / Sous la direction de C. Morrisson; avec la collaboration de B. Bavant, D. Feissel, B. Flusin et al.* Т. 3. P., 2011.

⁵ *Matanov H. A Method of Conquest or a Stage of Social Development?* // *ЭВ.* 1989. № 3. P. 72–77; *Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest* // *Inalcik H. The Ottoman Empire. Organization and Economy.* L., 1978. № 1. P. 103–129.

⁶ *Wächter A. Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert.* Leipzig, 1905.

видным несоответствием между сугубой фактографичностью и сухостью исследовательской манеры автора и ярко выраженной концептуальностью самого подхода к материалу. А. Вехтер скуп на аналитические рассуждения, но сама идея рассмотреть изменения в организационных структурах церкви в этнокультурном (а не только историко-церковном) ракурсе стоила многого. Он обозначил один из базовых индикаторов и, одновременно, действенных факторов угасания византинизма на территориях, перешедших под контроль мусульман, а именно развернувшийся процесс *дехристианизации* и *деэллинизации* анатолийского этнокультурного пространства.

Следующий принципиальный шаг в осмыслении проблемы был сделан много десятилетий спустя Спиросом Врионисом, выдающимся американским византинистом греческого происхождения, концепция которого органично включила в себя и развила подход А. Вехтера. В монографии и последующей серии статей С. Врионис открывает и обосновывает фактор *номадизации* наиболее густонаселенных и хозяйственно значимых регионов Анатолии, который влек за собой массовое и скоротечное вытеснение земледельцев-автохтонов с их земель. Причем, как подчеркивает С. Врионис, в отличие от Сасанидов и арабов прошлых эпох тюрки захватывали анатолийские земли не столько вследствие крупномасштабных сражений регулярных армий, сколько в результате спонтанных множественных миграций кочевников. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается как следствие завоевания-миграции, которое вводило в действие на занятых землях два параллельных процесса — процесс депопуляции территорий и процесс исламизации тех греков, которые остались под властью тюрков. В течение нескольких лет, от силы десятилетий, занятые кочевыми тюрками территории лишались большей части греческого населения, а оставшиеся греки скоро теряли свою конфессиональную и этническую идентичность. Таким образом, депопуляция, деэллинизация и исламизация делали византийскую реконкисту территорий абсолютно невозможной. Нарастающие территориальные потери вели не только к экономическому упадку Византии, но и (что может быть важнее) к истощению ее человеческих ресурсов. Два связанных процесса — деэллинизация и исламизация, виртуозно продемонстрированные С. Врионисом на материале источников XI–XV вв., признаются в современной науке основными движущими силами в освоении тюрками византийского

мира⁷. В толкованиях С. Вриониса проблема византийско-тюркского взаимодействия остается в русле идей политического и этноконфессионального соперничества между греко-христианским и тюрко-мусульманским мирами. Его концепция закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллинизма потенции которой реализовывались почти исключительно через или вследствие *открытого насилия*.

В сходном направлении — постулируя непримиримую чуждость греческого и тюркского субстратов — двигались наиболее влиятельные школы тюркологии и османистики. В 1936–1938 гг. Пауль Виттек выдвигает быстро завоевавшую признание концепцию, согласно которой главенствующим этосом анатолийских тюрков, и в особенности османов, в конце XIII в. была идея *газавата*, т.е. священной войны с христианством, а сами тюркские правители именовали себя и своих воинов *гази* — «борцами за веру»⁸. Концепция П. Виттека в силу недостаточности источниковой базы носила довольно умозрительный характер. Исследования С. Вриониса, написанные через тридцать лет, в силу своей опоры на богатый греческий источниковый материал более предметны и детальны.

Однако концепции греко-тюркского противостояния, несмотря на свою влиятельность и даже самоочевидность в контексте науки того времени, не были единственными. Пересмотр и корректировка этих концепций выстраивается по двум линиям, причем развиваемым по большей части тюркологами и османистами.

⁷ Vryonis. Decline; Vryonis S. “The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization”, the book and its reviewers ten years later // Greek Orthodox Theological Review. 1982. Vol. 22. P. 225–285; *Idem*. “The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the 11th through the 15th Century”: the book in the light of subsequent scholarship, 1971–98 // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 133–145; *Idem*. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71; *Idem*. Manpower. P. 125–140. На понтийском материале подход С. Вриониса развивал Э. Брайер в классической работе: Bryer A. Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149. См. обобщающие монографии последних десятилетий XX в., в которых транслируются подходы С. Вриониса: Savvides A. Byzantium in the Near East. Thessaloniki, 1981; Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen. Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Wien, 1985; Nicol D.M. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993; Angold M. The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History. L.; N.Y., 1997; Bartusis M. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992.

⁸ Wittek P. Deux chapitres de l’histoire des Turcs de Roum // Byzantion. 1936. T. 11. P. 285–319; *Idem*. De la défaite d’Ankara à la prise Constantinople // RÈI. 1938. T. 12. P. 1–34; *Idem*. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938; *Idem*. The Taking of Aydos Castle: A Ghazi Legend and its Transformation // Arabic and Islamic Studies in Honor of H.A.R. Gibb / Ed. G. Makdisi. Leiden, 1965. P. 662–672.

Во-первых, «теория гази» в последние десятилетия подверглась решительной критике. Так, например, Руди Линднер в своей монографии показал, что «концепция гази» основывается лишь на одной-единственной надписи в Бурсе, датированной 1337 г., чтение которой сомнительно по палеографическим причинам. Ее явно недостаточно для построения универсальной концепции. Никакой «идеологии гази» в мусульманской анатолийской среде в XI–XIV вв. не существовало, тюркские вожества⁹ и государственные образования Анатолии воевали как с христианами, так и с соседними мусульманами. Османский эмират стал превращаться из вожества в государство через седентеризацию кочевников и освоение византийских и иранских техник в экономике и управлении, пользуясь услугами многочисленных христиан. Следовательно, нельзя говорить о какой-то особой идеологии вражды и завоевания со стороны тюрков, которая бы оказалась главным фактором их успеха в разрушении византийской цивилизации¹⁰. Во-вторых, другая, много более ранняя тенденция в историографии связана с антропологическими исследованиями в области повседневной жизни Анатолии и Балкан. Совершенно новый подход к проблеме греко-тюркских

⁹ Определение «вожества» (англ. *chiefdom*): «An autonomous political unit comprising a number of villages or communities under the permanent control of a paramount chief» (*Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Eds. G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79*); о возникновении и эволюции концепции «вожества» см.: *Ibid. P. 38–45*.

¹⁰ *Lindner R. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 1–43*. Разработки Р. Линднера были подхвачены и детализованы многими исследователями: *Imber C. Paul Wittek's «De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople» // Osmanlı Araştırmaları. 1986. С. 5. P. 65–81*; *Jennings R.C. Some Thoughts on the Gazi-Thesis // WZKM. 1986. Bd. 76. P. 151–161*; *Beldiceanu-Steinherr I. Analyse de la titulature d'Orhan sur deux inscriptions de Brousse // Turcica. 2002. T. 34. P. 223–240*; *Lowry H. The Nature of the Early Ottoman State. Albany, 2003*; *Heywood C. The 1337 Bursa Inscription and Its Interpreters // Turcica. 2004. T. 36. P. 215–232*. См. также серию статей Кита Хопвуда о византийско-тюркском пограничье в Анатолии: *Hopwood K. Nomads or bandits? The pastoralist/sedentarist interface in Anatolia // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks, 1071–1571 / Eds. A. Bryer, M. Ursinus. Amsterdam, 1991. P. 179–194*; *Idem. The Byzantine-Turkish Frontier c. 1250–1300 // Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums / Hrsg. M. Köhbach, G. Procházka-Eisl und C. Römer. Wien, 1999. P. 153–161*; *Idem. Low-level diplomacy between Byzantines and Ottoman Turks: the case of Bithynia // Byzantine Diplomacy / Eds. J. Shepard, S. Franklin. L., 1992. P. 151–158*; *Idem. Peoples, Territories, and States: The Formation of the Begliks of Pre-Ottoman Turkey // Decision Making and Change in the Ottoman Empire / Ed. C.E. Farah. Kirksville, 1993. P. 129–138*; *Idem. Osman, Bithynia and the Sources // Archiv Orientalní. Supplementa. 1998. T. 8. P. 155–164*; *Idem. Türkmén, Bandits and Nomads: Problems and Perceptions // Comité international d'études pré-ottomanes et ottomanes: VIth Symposium, Cambridge, 1–4 July 1984 / Eds. J.L. Bacqué-Grammont, E. van Donzel. Istanbul, 1987. P. 23–30*.

взаимоотношений был в свое время предложен блестящим ученым Фредериком Хаслуком¹¹. Британский исследователь на примере верований, суеверий, обычаев и магических обрядов, распространенных по преимуществу в низших социальных пластах анатолийского и балканского населения под властью тюрок, наглядно демонстрирует совершенно иной модус христианско-мусульманского взаимодействия и взаимопроникновения, которые зачастую результировали в некоем неразделимом синкретическом единстве элементов обеих религий и культур в сознании греческого и тюркского обывателя. Ф. Хаслук был пионером в исследовании многих тем, таких как учение *бекташи* и роль христианских персонажей в низовом и мистическом мусульманстве (Христос, св. Георгий, Иов, св. Харитон, Семь Эфесских отроков), связь между *мавлави* и христианами, почитание мусульманами христианских святых мест, мусульманские легенды, связанные со св. Софией, тайное крещение у мусульман, христианские амулеты у тюрок и т.д. Эта линия получила признание и дальнейшее развитие только после Второй мировой войны в преимущественно антропологических исследованиях, изучавших синкретические феномены в *переживаемой* низовой религиозности и культуре¹².

В последние десятилетия наиболее ярким исследователем симбиоза и взаимовлияния греческого и тюркского культурных элементов стал французский тюрколог и грецист Мишель Баливе, который, подобно Фредерику Хаслуку, концентрируется на позитивных трансформациях византийского и тюркского культурных субстратов, приводивших к постепенному их сближению. Причем М. Баливе с успехом делает это, в частности, и на византийском материале, составляя противовес концепции С. Вриониса. На основе широкого привлечения малоисследованного материала касательно религиозных, культурных, политических контактов между греками и тюрками французский исследователь, не отрицая самого наличия конфликта между Византией и тюрками в военно-политической сфере, объединяет византийский и тюркский элементы

¹¹ Hasluck F.W. Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929.

¹² Archaeology, Anthropology and Heritage in the Balkans and Anatolia: The Life and Times of F.W. Hasluck, 1878–1920 / Ed. D. Shankland. Istanbul, 2004–2013. Vol. 1–3; Syncretismes et heresies dans l’Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Éd. G. Veinstein. P., 2005 (с дальнейшей библиографией). См. также новейшую критику подходов Ф. Хаслука: Krstić T. Contested conversions to Islam: narratives of religious change in the early modern Ottoman Empire. Stanford, 2011; Eadem. The Ambiguous Politics of “Ambiguous Sanctuaries”: F. Hasluck and Historiography on Syncretism and Conversion to Islam in 15th- and 16th-century Ottoman Rumeli // Archaeology, Anthropology and Heritage... Vol. 3. P. 247–262.

в пределах одного пространства, обладавшего известным этнокультурным единством, — «Романии/Рума», ибо не только греки трансформировали тюркский мир, но и тюрки, согласно его концепции, оказывали осязаемое влияние на греко-византийский субстрат на уровне народной культуры, повседневности и мистического интеллектуализма. В ходе контактов с мусульманским миром (как и с латинским Западом) сама Византия претерпевала хотя и скрытые, но несомненные перемены, равно как эволюционировали и тюрки, занявшие завоеванное ими «римское» (т.е. византийское) географическое пространство. Это обоюдное преобразование происходило в направлении исчезновения наиболее непримиримых противоречий между обоими мирами. Взаимную трансформацию культур следует учитывать при исследовании истории формирования «полиэтнического стиля жизни»¹³.

Нельзя не признать плодотворность подхода М. Баливе, который делает значительный шаг в реконструкции именно *микроуровня* контактов, некоего специфического пространства греко-тюркского «примирения» («une aire de conciliation»). Тем не менее этот подход не особенно популярен в современной византистике. И этому есть свое, довольно простое, объяснение: концепция С. Вриониса более лаконично и точно обрисовывает суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Во всем комплексе проблем, связанных с византийско-тюркскими взаимоотношениями, можно выделить две самоочевидные аксиомы, которые и заставляют исследователей делать выбор (осознанный или подсознательный) в пользу концепции С. Вриониса. Во-первых, все многообразие фактов взаимоотожествления греческого и тюркского элементов для греческой стороны явилось результатом *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главнейшим результатом византий-

¹³ Balivet. *Romanie byzantine*; *Idem*. *Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession*. Istanbul, 1999; *Idem*. *Islam mystique et révolution armée dans les Balkans ottomans. Vie du Cheikh Bedreddin le «Hallâj des Turcs» (1358/59–1416)*. Istanbul, 1995; *Idem*. *Turcobyzantiae: échanges régionaux, contacts urbains*. Istanbul, 2008. См. также наш обзор: Шукуров П.М. Зона контакта: проблемы межкультурных отношений в современной византистике (рец. на: Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*. Istanbul, 1994) // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 258–268.

ско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком несправедливой натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт гибели цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом (тюркском/турецком) образе. Концепция С. Вриониса в этом смысле более точно и честно обрисовывает конечную суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Таким образом, как мы видим, тема византийско-тюркских взаимоотношений остается актуальной по сию пору именно в силу ее прямой связи с поисками ответа на вопрос о причинах упадка византийской цивилизации.

Отталкиваясь от представленного очерка наиболее значимых для нас подходов, можно теперь попытаться сформулировать предмет, цели и задачи нашего исследования. По высказанным причинам я, придерживаясь линии А. Вехтера и С. Вриониса, продолжаю интерпретировать греко-тюркскую встречу в ракурсе цивилизационного конфликта, который оказался губительным для одной из сторон. Однако материал византийско-тюркских контактов, извлекаемый из корпуса разнообразных письменных и материальных источников, позволяет существенно скорректировать и дополнить общие установки современных концепций. Сближаясь с М. Баливе, я склонен рассматривать тюркское начало не только как *внешний* военно-политический фактор, но, по крайней мере с XIII в., и как один из действенных социальных и культурных элементов, трансформирующих сам византизм изнутри. Однако очевидно, что ни концепция противостояния, ни концепция взаимоуподобления не выходят за пределы бинарной исследовательской стратегии «влияний», рассматривающей византийский и тюркский элементы как внешние по отношению друг к другу. Необходимо интериоризировать проблему тюркского влияния и понять, насколько глубоко проник тюркский субстрат в толщу византийского общества и культуры и в каком направлении он их трансформировал. В настоящей работе я предлагаю описать тюркское начало как один из элементов самой поздневизантийской цивилизации. Этот специфический ракурс отличает мой подход и от концепции противостояния, и от концепции взаимоуподобления греков и тюрков.

Еще одно существенное возражение по поводу имеющихся подходов. Как известно, после катастрофы 1204 г. византийский мир распался на два главенствующих анклава: первый, который в рамках настоящей работы я буду называть *западновизантийским*, обнимает Nikeйскую и Палеологовскую империи и византийский

Эпир; второй, восточновизантийский, совпадает с границами Трапезундской империи. В историографии до сих пор не делалось попыток систематически изучить региональные особенности этих анклавов в их взаимоотношениях с тюркским началом, а, как показывают частные исследования (см. ниже), такие особенности, несомненно, имели место. Реконструкция двух региональных моделей реакции на проникновение тюркского элемента (т.е. западновизантийской и восточновизантийской) и их систематическое сравнение могли бы дать новую значимую информацию для углубления нашего понимания поздневизантийской ойкумены и конечных судеб византинизма.

И, наконец, последнее: как С. Врионис, так и М. Баливе концентрируются почти исключительно на взаимодействии византийцев и анатолийских тюрков, упуская из виду, что существовала и другая парадигма — взаимоотношения византийцев и балканских тюрков-кочевников, продолжавшиеся со средневизантийского периода вплоть до завоевания османами византийских Балкан в последней четверти XIV в. Само собой разумеется, что это упущение с необходимостью должно быть восполнено; сравнительный анализ «анатолийской» и «балканской» парадигм может открыть новые ракурсы проблемы.

Таким образом, предметом исследования являются и сами византийское общество и культура, и их реакция на имплантацию в них тюркского элемента, а именно те социокультурные трансформации, которые испытала византийская цивилизация под воздействием тюркского начала. Речь идет не столько о «внешних» влияниях на византийскую цивилизацию, сколько о существенной ее перестройке в результате включения в ее горизонт тюркского начала как одного из элементов «своего». Определение характера и меры освоения тюркского начала византийским обществом и культурой позволит более предметно ответить на вопрос о причинах неэффективности поздневизантийской цивилизации перед лицом внешних завоеваний в XIII–XV вв. Не отрицая влияния внешнего военно-политического (С. Врионис) и внешнего культурного (М. Баливе) факторов на судьбы византинизма, мы считаем не менее важным изучить явные и подспудные изменения в самой византийской ментальности, приведшие к ее экзистенциальному поражению.

Отсюда же вытекают хронологические и географические рамки исследования. В книге обсуждается поздневизантийский период — с 1204 по 1461 г.: именно тогда наблюдаются кардинальные изменения традиционных парадигм византийской идентичности, а также

нарастающие изменения в отношении византийцев к тюркам. При этом византийская ойкумена рассматривается в ее целостности, с учетом обоих ее главных вариантов — западовизантийского (Западная Анатолия и Балканы) и восточновизантийского (Трапезундская империя).

Из сформулированной интерпретационной стратегии проистекают и конкретные цели исследования: выявление тех сфер византийской социальной и культурной реальности, которые претерпели трансформацию под влиянием встречи с тюрками, и определение меры воздействия этих трансформаций на «иммунные» механизмы византийской цивилизации. Важно выяснить реакцию на встречу с тюрками самого византизма, как живого и борющегося (пусть, в конце концов, и проигравшего) цивилизационного организма: как на микроуровне индивидов, дворцового, церковного, городского и сельского быта переживала византийская цивилизация свое отступление перед лицом более мощных противников. Воссоздание зримой картины *исторического проигрыша* Византии в этом цивилизационном противоборстве прояснило бы достаточно многое, а главное — действительную роль тюркских народов в трагедии, постигшей византийский мир, равно как и реальное соотношение между внутренними и внешними факторами истощения жизнеспособности византизма.

Для достижения обозначенных целей следует поставить и разрешить конкретные исследовательские задачи, лежащие в двух плоскостях: первая группа вопросов относится к сфере социальной и антропологической, вторая группа — к сфере по преимуществу социолингвистической и ментальной. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы в наших прежних исследованиях выдвигалось предположение о наличии на византийских территориях групп «византийских тюрков», т.е. тех тюрков, которые приняли византийское подданство и были расселены византийской администрацией в империи. Следовательно, необходимо продемонстрировать на материале первоисточников само наличие на территории Византийской империи тюркских этнических меньшинств, объединенных воспоминанием об общем происхождении (либо тюркском анатолийском, либо тюркском дунайском), которое при определенных условиях отделяло их от большинства других меньшинств; описать эволюцию тюркских меньшинств в поздневизантийскую эпоху; определить их удельный вес в общей численности населения в различных географических зонах византийского мира; обрисовать пути проникновения тюрков-иммигрантов в византийское общество; реконструировать степень и конкретные механизмы ас-

симиляции иммигрантов; определить место, которое занимали тюрки-иммигранты в византийском обществе.

Во-вторых, следует определить, насколько были влиятельны иммигранты-тюрки в культурном отношении; выявить, какие сферы византийской культуры подвергались трансформациям под воздействием тюрков (как натурализованных, так и иностранцев); если такого рода воздействие действительно присутствовало, то следует выяснить, как оно могло повлиять на реакцию византийцев на внешнюю угрозу со стороны тюркских государств. Анализ ментальных трансформаций наиболее эффективен в рамках социолингвистического исследования (см. подробнее ниже). Поэтому среди важнейших задач следует назвать сбор и этимологизацию негреческих по происхождению языковых элементов, вошедших в византийский греческий, определение пути их проникновения в греческую языковую среду; оценку степени влияния этих иностранных языковых элементов на греческую языковую практику. Связанная с предыдущей группа задач состоит в выяснении масштабов присутствия в византийском пространстве тюркофонии, а также в выявлении ее агентов: кто, по какой причине и в каких масштабах мог на византийской территории ее практиковать.

При этом исследование с неизбежностью должно носить выраженный сравнительный характер: во-первых, следует проанализировать и сравнить западновизантийскую (ласкаридскую, палеологовскую) и восточновизантийскую (понтийскую) парадигмы взаимодействия с тюрками; во-вторых, необходимо проследить типологические связи и различия между тюркскими анатолийской и северночерноморской парадигмами в их отношении к византийскому субстрату.

Очевидно, что поставленные задачи, в силу многообразия и разножанровости источниковедческой базы, могут решаться только в рамках междисциплинарного подхода. Именно типологическая и жанровая природа источников в сочетании со спецификой исследуемых вопросов предопределила набор используемых частных методик и методологических стратегий, относящихся к широкому спектру гуманитарных наук: исторической науке (включая многие вспомогательные исторические дисциплины), филологии, лингвистике, искусствоведению и т.д. Такая методологическая стратегия вслед за Жаном-Франсуа Лиотаром может быть названа «номадической»: в зависимости от объекта исследования мысль ученого «мигрирует» не только по разным частным методикам, но и по различным, может быть в прошлом и конфликтовавшим между собой, методологическим концепциям (позитивистский и марк-

систский подходы, «новая историческая наука», герменевтика, феноменология, поэтология, эпистемологический подход в духе Мишеля Фуко и т.п.). Именно этот методологический «номадизм» соответствует нынешнему духу времени, когда пришло осознание того, что каждая из зрелых гуманитарных методологий обладает преимуществом в изучении тех или иных специфических аспектов культуры. Задача исследователя заключается в том, чтобы знать эти подходы и уметь применять их к месту.

Весьма сложной проблемой методологического характера оказалось то обстоятельство, что в письменном наследии Византии сохранилось слишком мало эксплицитных сведений о натурализовавшихся иностранцах (будь то латиняне, славяне или турки) и том воздействии, как правило подспудном, которое они оказывали на византийскую ментальность. Жанровая и идеологическая обусловленность византийских текстов в целом отторгала такого рода информацию. То, что мы имеем в византийских письменных источниках на эту тему, в основном является счастливым для исследователя исключением. Однако очевидно, что сохранившиеся тексты отнюдь не являются точным оттиском той социальной и ментальной реальности, которая их создавала. Отсутствие в текстах информации о том или ином объекте или феномене вовсе не означает, что этих объектов или феноменов не существовало в исторической реальности. Индифферентность византийской письменности к этническим характеристикам в собственной среде и явилась, в частности, причиной почти полной неисследованности избранной нами темы. Обычная научная оптика зачастую просто не различает объекта нашего исследования. Проблема реконструкции тюркского присутствия в византийской социальной жизни и ментальности в настоящей работе будет решаться двояко. Во-первых, ведущую роль в реконструкции этнического состава населения сыграет *ономастика*, в особенности ее *антропонимическая* и *топонимическая* части. Наиболее эффективным средством оказалась антропонимика, при некоторых условиях вскрывающая этническую идентичность носителя имени. Микропонимика, хотя и менее обильная в сравнении с антропонимикой, дает важный материал по расселению не столько индивидов, сколько групп иноэтничных мигрантов. Во-вторых, для реконструкции значимых трансформаций в византийской ментальности, инициированных тюркским субстратом, главную роль сыграет анализ языковых заимствований. Именно он поставляет наиболее важную информацию об интенсивности восприятия византийской ментальностью восточных реалий, обрисовывает состав и содержание «чужой» информации, освоенной византийским мышлением.

Опора на лексикологию не только влечет за собой применение особых методик исследования, специфичных для этого раздела лингвистики, но и выдвигает на первый план роль *этимологической* работы. В нашем случае наиболее действенными оказываются греческие, арабские, персидские, тюркские, латинские, южнославянские, картвельские этимологии. Именно этимология поставила тот исходный материал, который сначала проходил лексикологическую обработку, а на следующем этапе — социологическую, антропологическую и культурологическую интерпретацию. Причем для начальной социологической обработки полученного антропонимического материала весьма действенен методический инструментарий *просопографического* исследования. Таким образом, наше обращение к лингвистике преследует скорее социоантропологические, чем сугубо языковедческие задачи: с помощью лингвистического инструментария мы постараемся реконструировать историческую реальность в ее социальном и культурном аспекте.

Завершающий этап анализа предполагает *герменевтическую* перечитку византийских текстов разных жанров через призму тех результатов, которые были получены в ходе лексикологического анализа, и их социоантропологических интерпретаций. На герменевтическом этапе исследования наиболее эффективными оказываются современные *аллологические* подходы. Собранные нами конкретные примеры встречи византийского «собственного» и тюркского «чужого» интерпретируются в модусе *присвоения*, то есть *уничтожения* «чуждости». Сосредоточенность традиционного византийского сознания на себе в его отношениях с чужим — одна из стержневых идей, задающих базовые ориентиры нашей синтезирующей герменевтической интерпретации.

Потребность как типологического, так и количественного анализа больших объемов лексического материала повлекла за собой применение современных информационных технологий, а именно создание электронных баз данных, которые значительно расширили исследовательские возможности. В основе настоящей работы лежат две электронные базы данных, созданные нами на подготовительном этапе работы: «Восточная антропонимика в поздней Византии, XIII–XV вв.» и «Восточные заимствования в среднегреческом, XI–XV вв.»¹⁴.

¹⁴ См. опубликованные и прокомментированные части антропонимической базы данных: *Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. 1999. Т. 6. Р. 7–47; Шукуров Р.М. Иагупы: тюркская фамилия на византийской службе // ВО. СПб., 2006. С. 205–229; Он же. Анатавлы: тюркская фамилия на византийской службе // ВВ. 2007. Т. 66 (91). С. 193–207; Он же. Семейство ‘Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии //*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
1. Проблема и метод	8
2. Источники	22
3. Историографический очерк.	33
<i>Глава I. Византийская классификация тюрков . . . . .</i>	<i>50</i>
1. О византийской эпистемологии	52
2. Локативный критерий и теория климатов	58
3. Двухчастная классификация: роды и виды.	68
4. Родовые категории	69
5. Видовые категории.	75
6. Концепт Πέρσαι.	79
7. Изъяны метода	85
8. Языковой критерий	87
9. Языки тюрков	95
10. Тюрки и конфессиональная идентичность	100
11. Браки с язычниками	104
12. Проблема истинности крещения	107
<i>Глава II. Византийская ономастика: проблемы метода . . . . .</i>	<i>115</i>
1. Антропонимическая база данных	115
2. Западновизантийские земли	117
3. Византийский Понт	119
4. Византийская антропонимическая модель.	121
5. Лингвистическая проблема	123
6. Проблема поколений.	126
7. Достоверность антропонимических данных	128
8. «Скифские» и «персидские» имена	134
<i>Глава III. «Скифы» и «персы» . . . . .</i>	<i>136</i>
1. Предыстория	136
2. «Скифы»	140
3. «Персы»	144
4. Византийские «персы» в 1204–1262 гг.	146

5. «Персидское» переселение 1262–1263 гг.	148
6. Родственники ‘Изз ал-Дина Кайкавуса II в Византии. . .	156
7. Подданные Кайкавуса в Византии	183
8. «Персидские» переселения до начала XIV в.	196
9. Тюркские поселенцы в первой половине XIV в.	199
10. Последние из византийских тюрков?	214
<i>Глава IV. Тюрки в балканской демографии . . . . .</i>	<i>224</i>
1. Византийская Македония	226
2. Нижний Стримон и Серры	228
3. Каламария в Западной Халкидике	231
4. Восточная Халкидика	234
5. Веррия и озеро Яница	236
6. Долина Вардара, Скопье, Струмица	238
7. Фессалоника и другие районы Македонии	241
8. Этническая и социальная структура.	243
9. Константинополь и некоторые другие территории	245
10. О хронологии демографических данных	248
11. Проблема торговцев	250
<i>Глава V. Тюркская знать . . . . .</i>	<i>252</i>
1. Знатные роды	253
2. Семьи Газиев (I и II)	254
3. Семья Меликов	256
4. Семейство Султанов (I)	260
5. Семейство Султанов (II)	264
6. Семейство Апельмене	266
7. Семьи Масгида (I и II)	267
8. Иагупы	270
9. Анатавлы.	287
<i>Глава VI. Ассимиляционные механизмы . . . . .</i>	<i>301</i>
1. О мотивации тюрков.	302
2. Противоположный пример	306
3. Христианизация	310
4. О механизмах адаптации и отторжения	317
5. Собственники и проиары	320
6. На службе у империи.	325
7. Рабы, слуги и заложники.	331
8. Культурная адаптация	335
9. Тюркское меньшинство?	338

<i>Глава VII. Тюрки на византийском Понте</i>	342
1. Восточная антропонимика Понта	343
2. Носители восточных имен	366
3. Народы и племена	369
4. Бедные и богатые	378
5. Понтийские кочевники	388
6. Христиане, мусульмане и криптомусульмане	395
7. Пути проникновения варваров в трапезундское общество	404
<i>Приложение. Жены Алексея II Великого Комнина (1297–1330)</i>	408
<i>Глава VIII. Слова, вещи, люди</i>	411
1. Византийская диглоссия	412
2. Восточные заимствования	416
3. Восточный текстиль	421
4. Одежда и домашняя утварь	424
5. Специи, деликатесы и лекарства	436
6. Животные и птицы	438
7. Торговая терминология	439
8. Императорский двор и военная терминология	445
9. Позитивный образ Востока	452
10. Расширение горизонта	462
11. Диглоссия и топонимика	470
12. Диглоссия и «удвоение мира»	476
13. Свидетельство новогреческого языка	481
14. Туркофония в Византии	484
15. Латентная тюркизация	508
16. Культурный обмен и смертельный исход	509
<i>Эпilog: итоги и перспективы</i>	516
1. Тюркское меньшинство	516
2. Региональные особенности	517
3. Культурная трансформация	522
4. Перспективы	524
<i>Список иллюстраций и таблиц</i>	526
<i>Список сокращений</i>	528
1. Языки и диалекты	528
2. Библиографические сокращения	528
<i>Библиография</i>	536
1. Источники	536
2. Литература	548
<i>Указатель</i>	591

Научное издание

Шукуров Рустам Мухаммадович

**ТЮРКИ В ВИЗАНТИЙСКОМ МИРЕ
(1204–1461)**

Редактор *Е.А. Босина*

Оформление переплета *Ю.Н. Симоненко*

Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 18.05.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 39,5. Уч.-изд. л. . Тираж 400 экз.

Изд. № 10524. Заказ № .

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupublishing.ru

Сайт Издательства МГУ: <http://msupublishing.ru>

Отпечатано в...